

Андрей
ФАДИН

СТРАХ-2

«Мы переживаем время суровых, но бесплодных поучений. Все как будто проснулось от пьяного сна и впервые встретилось лицом к лицу с какою-то безнадежно, почти фантастическою действительностью. Отсюда — всеобщее изумление, поголовный страх. Именно только изумление и страх, потому что бросившийся в глаза хаос не вызвал в нас решимости разобраться в нем, не указал на необходимость отделить следствия от причин, согласовать накопившиеся жизненные противоречия и установить отправные пункты для будущего жизнестроительства, а только пробудил какое-то спутанное чувство, которое и овладело умами с неудержимою силой...»

М. Е. Салтыков-Щедрин

Ощущение каких-то неясных еще, но необратимо начавшихся перемен (пусть робких, недостаточных, медленных) растворено сегодня в самом воздухе времени, которым дышат и полумифический «человек улицы», и вполне осязаемый столичный сноб-интеллектуал, и совсем уж конкретный шашлычник-кооператор, раньше всех сообразивший, как вернуться в этой перестройке. И дышится этим воздухом как-то легко, быть может, потому, что впервые за жизнь нескольких поколений нас отпустил СТРАХ.

Тот самый страх, вошедший вместе с насилием в самую ткань общественных отношений, ставший тривиальной, как насморк, чертой нашей повседневности и мощнейшим регулятором социального поведения. Его, конечно, еще очень много в подкорке, этого генетического страха, проценты с которого позволяли командно-карадельному монстру держать в узде колоссальную страну в течение нескольких десятилетий. Но он уже зримо стал отступать, съезживаться, терять свою всепроникающую силу.

Появился новый социальный субъект, который осознал себя независимым от властных структур государства, осмелившийся не только думать, но и говорить, и действовать, не спрашивая на то ничего разрешения. Причем не в традиционной российской системе координат «власть — антивласть (оппозиция)», в которой жили и классические диссиденты 70-х, и те, кто их преследовал, а совершенно в новом измерении, как свободная самоорганизация свободных индивидов, выстраивающая свою позицию не как протест против чего-то, а как самовыражение независимого движения к независимо выбранным целям.

Их уже очень немало: по некоторым оценкам, в стране более 60 тысяч различных по целям и предмету деятельности, философии и идеологии, формам деятельности и самоуправлению неформальных групп. «Экологисты» и «оздоровители», «экокультурники» и «фольки», «мирники» и эсперантисты, правозащитные и правопорядковые объединения, целый спектр политико-идеологических групп (от национально-почвенных до демолиберальных), адепты самых разнообразных религиозно-философских учений, эстетических и этических систем (последователи Рериха и толстовцы, кришнаиты и дзен-буддисты), все оттенки субкультурных поколенческих и локальных групп (хиппи и панки, брейкеры и рокеры, «металлисты», люберы и пр.) — невозможно исчерпать никаким перечислением многообразия общественной жизни вне официальных культур. Столь же невозможно и описать их все в одной публикации.

Однако же возникают вопросы: откуда что взялось, где было все это многообразие раньше? Как к нему относиться? Что с ним будет дальше?

Вопросы не праздные, ибо «неформалы», став для себя субъектом, остаются для общества «неопознанным социальным объектом», внушающим смутные тревоги одним, неопределенные надежды — другим и решительное неприятие — третьим.

В то время как существование НЛО еще надо доказывать, присутствие неформалов как существенного элемента социальной реальности вполне очевидно, каждодневно подтверждается живой «уличной» практикой. Иное дело — понимание природы этого социального объекта, который поистине все еще не опознан. Здесь необходим внимательный взгляд «понимающей социологии».

Подобный анализ особо необходим сегодня, ибо новые явления социальной жизни являют обществу подчас столь отвратительный и угрожающий самим основам социальности лик, что вызывают мощную «отбойную волну» консервативно-охранительной реакции.

«Наци», «качки», десятки разновидностей панкующих и хиппующих стай демонстрируют время от времени то дикие взрывы немотивированного насилия, то спазмы тотального нигилизма.

Десятки убитых и искалеченных в войне «группировок» в Казани, столкновения люберов и «металлистов» в Москве, «Коммуна свободной жизни» в лесу под Ригой, в которой несовершеннолетние девочки устраивают состязания в количестве «пропущенных» через себя партнеров, а в промежутках ловят наркотический кайф... Выплески такого рода «неформальности» сами по себе становятся фактором, тяжко травмирующим массовое сознание, и встраиваются в угнетающую панораму социальных бед.

Увы, социальное подсознание, опираясь на вековые стереотипы и смутную интуицию, однозначно связывает эти пугающие явления с перестройкой пусть скудного, но такого привычного и стабильного мира застоя. Перемены внушают определенные опасения многим, как всякая «езда в незнаемое», они чреватые потрясениями. Но особенно они страшны для обывателя, который идеально встроился в застойную систему человеческих и производственных отношений, приспособился к благу и лжи, добился пусть минимального, но процветания, спокойной жизни. Для него происходящее имеет характер крушения мира.

И сколько бы пресса и авторитеты ни доказывали, что обнажившиеся социальные язвы назрели задолго до начала перемен, более того, обусловили их необходимость, этот тип сознания нуждается в «образе врага», виновного во всех их бедах, и находит его — в тех, кто реализует перемены или воплощает их собой.

Эти и подобные им составляющие социально-психологического климата в стране порождают явление принципиально нового характера. Назовем его условно СТРАХ-2.

В отличие от извечного нашего страха перед всеисильностью тотальной и беспощадной власти госмашины

СТРАХ-2 — это и растерянность человека, утратившего привычные ориентиры «одной правды» в условиях, когда все зыбко, все пришло в движение и нет никакой надежной опоры, и ужас традиции, не узнающей себя в зеркале враждебной современности...

Вслушавшись в голоса народных депутатов СССР, замечательных русских писателей В. Белова и В. Распутина. Вот предупреждают они об опасности плюрализма нравственности, вот жестко критикуют средства массовой информации за показ секса и насилия, за предоставление телеэкранов и журнальных страниц для демонстрации рок-культуры, а вот они уже и дают понять, что за всеми этими «нестроениями земли российской» — отнюдь не стихийные процессы, а чьи-то враждебные происки. Чьи же? Впрямую это не называется, но понять несложно: это «либералы», «прогрессисты», «масоны», «сионисты», всевозможные националы, растаскивающие «единую и неделимую»...

Эти «темные силы» — совершенно необходимый элемент в логике патриархально-авторитарного сознания: ведь должен кто-то персонафицировать все зло, нести ответственность за все несчастья наши... А признать, что на нас самих эта ответственность как раз и лежит, что и народ, и его же усилиями ставшая над ним власть ответственны за то, что с нами произошло, — этого признать «почвенникам» никак нельзя. Ибо тогда сунодат оказывается не вне, а внутри народа, тогда «единое национальное целое» предстает противоборством разнообразных социально-политических сил, и приходится не «любить весь свой народ», а определять свою сторону в суровых и конкретных внутренних конфликтах. Тогда раскалывается и тот идеал всеединства, «соборности», который извечно освещал романтическую утопию «особого российского пути».

Однако «неопознанные социальные объекты», «НСО», вызывают агрессивное неприятие и страх отнюдь не только у идеологически ориентированных традиционалистов.

СТРАХ-2, порожденный широким диапазоном стихийных и непонятных социальных процессов, несомненно, является одной из основ поднимающейся волны массового консерватизма, сопротвления не только идущей «сверху» модернизации, но и растущей «снизу» плюрализации социальной жизни. Корни его глубоки, они уходят в самую глубь российского исторического опыта — с его жестокими обвалами идущих сверху крутых преобразований, не считающихся ни с какой человеческой ценой, если речь идет о достижении державного величия. Каждая реформа таит в себе угрозу ухудшения тяжелого, но привычного уклада жизни, прогресс ассоциируется прежде всего с его непомерной ценой, с бедами и лишениями...

В этом горьком историческом опыте — сила низового народного консерватизма. В нем же и опасность для любой последовательной политики модернизации. При дурном обороте событий именно он станет основой «идеологии реставрации».

Конечно, «почвенный» традиционализм далеко не однозначен, порой его яростная борьба с социальными язвами работает на оздоровление общественной атмосферы больше, чем иные демолиберальные и прогрессистские проповеди. Это особенно ярко проявилось и в формировании отношения общества к пьянству и алкоголизму как к общенациональной беде, и в получении нового статуса экологическими и экокультурными движениями. Можно сказать, что в отношении иных групп, инициатив, движений он играет роль своего рода «сторожа» общественного мнения. Более того, оформившись как социально-групповой субъект, традиционализм вступает в отношения полемике с другими субъектами и сам фактически способствует той самой плюрализации, которую критикует.

В то же время обыденное сознание неаналитично по самой своей природе и, как правило, не проводит грани между различными (иногда даже и противоположными) проявлениями одного и того же (в его восприятии) социокультурного прогресса. Негативные стереотипы восприятия неформального мира, сформированные шокирующими выбросами активности в молодежной среде, страхом перед накалом межнациональных отношений, опасениями за судьбы социального порядка, автоматически переносятся на любую неофициальную социальную самостоятельность. Этот безусловный перенос восприятия осуществляется как бы по принципу «амальгамы»: любая неформальная активность воспринимается как часть процесса плюрализации, «разбегания ценностей», как угроза мифической органичности традиционного мироустройства. СТРАХ-2 начинает работать про-

тив складывания нового социального порядка, блокирует формирование структур гражданского общества.

Этот страх мобилизует всегда дремлющее в толщах массового сознания репрессивное мышление. При виде нового, необычного, пугающего «рука тянется к кобуре»: раздаются призывы к государственной власти применять наконец «революционное насилие» против «всего, что нам чуждо».

Не видя со стороны властей надлежащей решительности, наиболее активные охранители устоев берут святое дело «борьбы со скверной» в свои мускулистые руки. Люберы были не первыми, но наиболее известными из носителей этой низовой охранительной реакции. Однако явление это оказалось гораздо более широким и глубоким: самостоятельная «полиция нравов» избивала или обривала наголо гуляющих с иностранцами «девочек» в нескольких городах (включая Москву), «афганцы» устраивали самостоятельные расследования источников несправедливо нажитых (по их мнению) богатств, волны поджогов инвентаря и имущества обрушивались на кооператоров, «индивидуалов» и арендаторов.

И если «экономическая самостоятельность» еще может рассчитывать мирно вращаться в государственный социализм, то субкультурные и политизированные неформалы, видимо, будут и дальше находиться в «позиционном» конфликте с обыденным сознанием и структурами управления. Между тем если это противостояние не снять, вряд ли можно ожидать быстрого и мирного возрождения гражданского общества и правового государства, экспроприированного Административной Системой.

Правда, было ли оно у нас? Можно ли говорить именно о возрождении? В какой-то мере да, можно. Вспомним: ведь такое же колоссальное богатство социальной самостоятельности страна знала и в 20-е годы. Только в РСФСР, без Москвы и Ленинграда, на 1 января 1928 года было зарегистрировано почти четыре с половиной тысячи добровольных обществ и союзов, это без малого полтора миллиона членов. Эти объединения являлись выразителями самых разнообразных культурных и духовных потребностей всех основных социальных групп. Четко работал и механизм легализации инициатив. Закон 1922 года сводил административный надзор за общественными организациями к регистрации и утверждению уставов, то есть был установлен нормативно-явочный порядок регистрации, при котором лишь несоответствие устава законам могло быть основанием для отказа в регистрации.

Однако стремительное и тотальное огосударствление общественной жизни после сталинского сокрушения нэпа оборвало этот взлет социально-культурной самостоятельности. В 1932 году принимается новый закон (формально действующий и поныне), ставший основой фактического роспуска всех подлинно самостоятельных организаций и замены их фиктивно-общественными централизованными институтами, в действительности бывшими лишь «колесиками и винтиками» государственного аппарата. Волны репрессий одна за другой смывали пласты культурного слоя, накопленного страной. Уходили в небытие краеведы, члены и организаторы творческих, просветительских, художественных, спортивно-физкультурных союзов, национально-культурных ассоциаций, вообще те, кто не вписывался в монолит казарменного идеала общественного устройства.

Многообразная культурная жизнь общества как живого и суверенного организма, внутри которого протекают разнонаправленные и непредсказуемые процессы, была на десятилетия сведена к одному варианту. Культурная политика государства стремилась заместить собой культурную жизнь общества, а все, что не поддавалось такому замещению, подвергалось «критике оружием».

Существующая практика регистрации самостоятельных инициатив основывается либо на сталинском законе 1932 года, либо на Положении о любительских объединениях, нормативном акте 1986 года, согласованном 12 ведомствами и не имеющем силы закона. Путь легализации инициативы в соответствии с этими документами столь мучителен, неопределен, открыт для ведомственного произвола, что подавляющее большинство групп предпочитает оставаться «вне закона», то есть в прямом и точном смысле слова «неформалами».

Причины подобного состояния дел вполне прозрачны: отсутствие строгой юридической процедуры открывает полный простор для разрешительного права, когда для официального признания в каждом случае требуется специальное разрешение (либо в форме поручительства организации-учредителя, либо прямо через решение местных властей).

Другими словами, «пущать» или «не пущать», определяют сами местные власти по своему усмотрению. Понятно при этом, что если разрешения на официальную регистрацию, например, группы «Дельта», выступающей против строительства дамбы в Финском заливе, зависит от ленинградских властей, выступающих за дамбу, то эта группа никогда не получит легального статуса.

Но, удерживая группы гражданских инициатив вне официальной политической структуры, государство лишает себя возможности и воздействовать на эти группы, на процессы, в них происходящие. В самом деле, трудно ожидать, что та или иная группа (например, природоохранная или экокультурная) распадется, если ее выгонят из ДК, «просигнализируют» начальству по месту работы ее участников и т. п. Наоборот, подобные меры, как показывают многолетние наблюдения, приводят лишь к росту сплоченности в группе, радикализуют ее, усиливают социально-критические, оппозиционистские мотивы в ее деятельности (в ущерб настроениям конструктивного сотрудничества, поисков взаимоприемлемых компромиссов).

Именно перестают быть практически всех легальных каналов самовыражения, представительства специфических групповых и социальных интересов (культурных, религиозных, экологических и пр.) — главный мотор стремительной политизации неформального мира. Любая попытка сформулировать и защитить свои групповые интересы традиционно воспринимается властными структурами как покушение на аппаратную монополию власти. Самая частая программа, самое конкретное и частное требование вызывают обвинения в «политической деятельности», за которыми, в неглубоком подтексте, — подозрение в антисоветизме. Так было и с ленинградскими экокультурными группами, выступавшими против решения городских властей о сносе гостиницы «Англетер» (место самоубийства С. Есенина), и с Движением в защиту Байкала в Иркутске, и с общественным советом «За чистый воздух и воду» в Уфе... Список печальных примеров подобного рода неисчерпаем, ибо увеличивается с каждым днем.

Избирательная кампания по выборам народных депутатов дала много новых свидетельств, как душилась низовая инициатива на местах, как отказывали инициативным группам в проведении собраний избирателей, не давали помещений, а уличные митинги разгоняли, опираясь на печально знаменитый закон о правилах проведения массовых мероприятий, как проведенные все же собрания объявляли неправомочными, а выдвинутые на них кандидатуры не регистрировали... Москва не может защитить всех, а «правила игры» таковы, что слишком многое, почти все — в воле именно местных властей. Впрочем, избирательный закон — лишь частный случай отношений суверенной народной инициативы и властных структур, отношений неравных, несправедливых, разрушительных для нашего общего будущего.

Изменяется само отношение к политике как сфере человеческой деятельности, она реабилитируется в глазах общественного мнения. И если раньше большинство групп подчеркивало свой внеполитический фактор, то теперь, наоборот, даже сугубо культурнические и экологические объединения говорят о своих политических задачах.

Самоорганизуются инваиды, начинают отстаивать свои права — это политика, самоорганизуются любители местной старины — это тем более политика. Вспомним, что эстонское общество охраны памятников было одним из источников и предтеч Народного фронта, а его попытки привести в порядок кладбище, на котором покоились павшие, отстаивавшие в 1918 году право Эстонии на независимость, были восприняты властями как антигосударственный шаг! На этом маленьком примере видно, что в стране, где политикой является все, а власть проникает во все клетки не только общественной, но и личной жизни, любое общественное действие или движение неминуемо превращается в политическое.

Естественным образом возникает вопрос о причинах подобной огнестрельной реакции аппаратной толщи на нарождающиеся снизу элементы гражданского общества. «Генетическая» версия, выводящая эту реакцию из исторических условий формирования советской бюрократии, представляется убедительной, но мало вникает в сегодняшние социально-психологические механизмы.

Вопреки первому впечатлению этот смысл далеко не однозначен. Конечно, для наиболее заскорузлых слоев партийной, советской, комсомольской, профсоюзной бюрократии, не умеющих и не желающих учиться управлять по-новому,

неформальный мир враждебен и опасен. В частности и потому, что впервые ставит вопрос о пределах компетенции и политической дееспособности бюрократии. Воспитанные в культуре приказа и запрета, кадры старой формации органически не в состоянии выдержать сколь-либо серьезной публичной политической борьбы, полемики, открытой дискуссии. Ни в Армении или Карабахе, ни в Москве «на Пушкин» («Гайд-парк» на Пушкинской площади), ни в Ярославле, Куйбышеве, Южно-Сахалинске или Ленинграде — нигде бюрократия не смогла сколь-либо эффективно апеллировать к массам. Ее ораторы проваливались, ее программы отвергались.

Это не могло не вызвать спазмов комплекса политической неполноценности аппарата, которые прорвались новой вспыхнувшей запретомании, попытками решить важные политические проблемы методами аппаратной интриги и полицейского контроля. Эффективность этих методов в условиях вето, наложенного нынешним политическим руководством страны на открытые политические репрессии, очень низка.

Пути компенсации этой политической недостаточности неожиданно наметились в идеологии — через сферу действия нового феномена общественного сознания, который мы обозначили как СТРАХ-2. Психолого-идеологический фон «нового консерватизма» дал аппаратчикам уникальный шанс установить негласный и невяный союз с широким и представительным национально-почвенным течением в общественной жизни.

Интервьюирование аппаратчиков среднего уровня в одном из крупнейших городов России дало поразительные результаты: была четко сформулирована установка на борьбу против всех независимых общественных движений, кроме тех, что развиваются под национально-почвенническим знаменем.

Будучи не в силах противопоставить сколь-либо глобальной альтернативы раскрепощению общества, консервативная часть аппарата пугает верховную власть угрозой потери контроля над ситуацией.

«Я не вижу в неформалах носителей плюрализма, — заявляет один из подобных идеологов на страницах академического журнала. — Неформалы — это альтернатива власти. Ее основа — это мелкобуржуазность в образе жизни и в мировоззрении, воспроизводящаяся в нашем обществе последние 20 лет. Это идейно-философская эклектика. Лидеры неформалов — агрессивные посредственности, потерявшие возможность утверждать себя на путях конституционного действия. Поэтому им свойствен экстремизм. Сегодня, даже если они говорят, что их движение — это мирная альтернатива, на самом деле — это борьба за власть. Я знаю одну динамику власти; добровольно ее не отдавал и не отдаст ни один правящий институт».

Что это — реальный страх или попытка запугать других? А может быть, и то, и другое?

В любом случае перед нами яркий образчик традиционалистского репрессивного мышления, специфическая проекция СТРАХА-2 на властные структуры.

Так СТРАХ-2 сплотил почвенный традиционализм в обществе и аппаратную «почву» бюрократии. Не следует, конечно, преувеличивать силу и сплоченность этого союза, но не случайно и то, что именно определенные писатели встречаются постоянно с определенными партийными руководителями.

И все же, продемонстрировав завидную настойчивость, неформалы навязали свою «легальность» той части аппарата, которая не желает модернизироваться и учиться управлять по-новому.

В то же время нужно понимать, что успехи подобного рода, как бы ни льстили они самолюбию «самодельных политиков», значат весьма немного, если не цивилизуется сознание самих управленцев. А это, в свою очередь, становится возможно лишь там, где инициатива, с одной стороны, и власть — с другой, преодолевают традиционный российский стереотип противостояния, конфронтации. Быть может, примером такого преодоления является участие нескольких сотрудников Читинского областного управления КГБ в работе местной организации «Мемориала». Настоящая работа по намыванию культурного слоя гражданского общества начинается лишь тогда, когда обе стороны перестают «перетягивать канат», одни — в сторону тотального запрета, другие — в сторону безответственного обличительства, деструктивной критики безо всякого учета реальности.

Что говорить, традиционный раскол общества и аппарата, интеллигенции и бюрократии накопил на обоих полюсах значительный потенциал недоверия и враждебности. В этом

неформалы, конечно, плоть от плоти породившего их общества: нетерпимость и отсутствие навыков диалога с властями (даже когда нечаянная возможность его появляется), презумпция виновности в отношении любого шага аппарата, почти повсеместное понимание политики как сферы свободного выбора решений в соответствии с теми или иными идеалами и соответственно полное непонимание внутренней логики реальной политики как искусства возможного в данной ситуации.

Все эти черты, родовые пятна длительного полуподпольного существования воспроизводятся и в отношениях между группами, клубами, направлениями. Собственно, ведь и о движении неформалов говорить сегодня нельзя, ибо то, что существует, скорее можно назвать «неформальным миром». Периодически вспыхивающие конфликты между группами, борьба за помещения, за популярность, за выход в прессу, взаимная подозрительность и ревность — все это характерные черты этого мира, как, впрочем, и мира формальных организаций. Особенно рельефно можно наблюдать все прелести нашей неформальной политики на всевозможных больших сборах, «всесоюзных тусовках» типа первой или второй информационной встречи (в Москве в августе 1987 и в Питере в августе 1988 года).

И все же в этом мире процессы формирования новой политической культуры идут гораздо быстрее и плодотворнее, чем в других пластах нашей жизни. Буквально на глазах группы общественных инициатив овладевают навыками организации целей и ценностей, поисков компромиссных решений, другими словами, они постепенно овладевают технологией реальной политики.

Одним из ярких примеров подобной «технологии» может служить история общественного движения «Мемориал», начавшаяся как инициатива нескольких энтузиастов, а завершившаяся фактически решением XIX партконференции об установлении памятника жертвам сталинских репрессий и образованием добровольного историко-просветительского общества с участием «звезд первой величины» советской культуры и науки.

Когда еще немногочисленные активисты группы впервые выходили на улицы Москвы для сбора подписей, их хватали милиционеры («Низзя! Кто разрешил? Перестройка — это когда каждый на своем месте работает лучше!»), а суд конвейерным способом присуждал их к штрафу. Важный чиновник в горько партии внушал им, что подобный проект будет отвлекать народ от решения грандиозных экономических задач перестройки, и если они не уймется, то... Тогда (всего немногим более года назад!) это казалось общественному мнению страшным — выйти на улицу «не спросив разрешения», как, впрочем, и сама идея сбора подписей под подобного рода проектами. Необходимо было избежать прямой конфронтации с аппаратом управления, чтобы не загубить проект в самом начале. Тонкая и продуманная тактика подключения авторитетных для властей людей, привлечение на свою сторону прессы, наиболее современных, «перестроенных» из самих аппаратчиков позволили меньше чем за год провести широчайшую кампанию, которая изменила атмосферу вокруг идеи мемориала жертвам репрессий.

Подобных примеров, конечно, пока немного, но влияние их и на неформальный мир, и на оргструктуру власти невозможно переоценить. Ибо они создают тот механизм взаимодействия между общественной инициативой и госаппаратом, без которого в наших условиях нельзя надеяться на создание ни гражданского общества, ни правового государства.

Можно сколь угодно долго доказывать, почему сегодня реальная многопартийность для СССР неактуальна, и все же это не дает ответа на главный политический вопрос перестройки: как обеспечить реальный плюрализм и эффективную обратную связь в желаемом образе будущего устройства советского общества? Как выстроить демократические институты в условиях однопартийной системы? Как без сломов и потрясений добиться демократической эволюции властных структур и, самое главное, самой политической культуры общества? Да и возможно ли это вообще?

Сегодня никто не сможет ответить на эти вопросы убедительно и однозначно. Но похоже, что неформальный мир содержит в себе существенные потенции развития внепартийной, низовой, самоуправленческой демократии. Неся в себе все недостатки и особенности нашей политической культуры, он в то же время представляет собой идеальную экспериментальную реторту, в которой общество прокатывает альтернативные варианты решения сложнейших проблем. Причем чем более сложна, комплексна и неявна задача, чем

более нужна поисковая активность, тем эффективнее социальная самодеятельность и ниже шансы профессионализованного управления. Градостроительные, экологические, культурные и педагогические проблемы в этом смысле, пожалуй, наиболее показательны.

Нечего говорить о роли групп социальной инициативы как школы социализации, очагов формирования новой политической культуры, лаборатории новых технологий самоорганизации и самоуправления.

Но в условиях однопартийности все эти функции смогут быть реализованы лишь в том случае, если сама партия, позвоночный столб власти, сделает решительный шаг к плюрализму внутри себя — вплоть до легального существования различных платформ, программ, фракций. Другим условием является легальное признание множества параллельных структур, независимых центров социальной активности, с которыми различные направления внутри партии будут поддерживать союзные или полемические отношения.

Жизнь, конечно, не остановится, если эти условия и не будут выполнены. Процессы плюрализации социально-политических структур общества невозможно остановить, ибо неостановимы лежащие в их основе социально-экономические сдвиги. Но если самоорганизация и самодеятельность не получат защищенной законом экологической ниши в системе официальных политических институтов, жизнь будет просто обтекать эти институты. Социальная активность пробудившегося народа найдет тогда иное, вне-легальное и неофициальное русло. И тогда уже придется отбросить все надежды на то, чтобы неизбежные во всяком живом обществе конфликты разрешались посредством диалога и служили «мотором развития».

Нет, в этом случае конфликты обратятся не в катализатор общественной эволюции, а в социальный динамит, первые взрывы которого мы видели уже в Фергане и Алапаевске, Сумгаите и Моршанске. Социальная механика здесь очень напоминает механику технику: под высоким давлением пар, идущий по специальным каналам, способен выполнять колоссальную работу; но если каналы перекрыты, котел взрывается. И тогда развитие идет слишком известным нам, в России, катастрофическим путем, при котором цена прогресса ставит под сомнение самый прогресс.

Увы, если неформалам перекроют путь в мир формалов, если их именем будут продолжать пугать и страшать с высоких трибун, то они так и останутся для общества «неопознанным социальным объектом», «НСО», первой реакцией на который будет описанный уже СТРАХ-2. Этот страх, в свою очередь, вполне способен стать психологическим горючим любой реставрации, любой реакции.

Выбор сегодня — между суверенным обществом, овладевающим собой, обществом, в котором не будет никаких «НСО», внушающих безотчетное стремление прибегнуть к репрессии во имя порядка, и таким порядком, который уже нельзя поддерживать без репрессий. Другими словами, если сегодня СТРАХ-2 не будет преодолен обществом, неизбежно возвращение СТРАХА-1, страха перед всеисильностью безликой и беспощадной госмашины, перед культом абсолютной госвласти.

Лишь интеграция всех культурных и политических субъектов в многосторонний диалог с общими «правилами игры», законами цивилизованного отстаивания своих интересов может избавить наши грядущие переходные времена от вспышки экстремизма и охранительной реакции на него. Создание механизма такого диалога, своего рода форума или «парламента» социальных движений и политических организаций, видимо, станет скоро в повестку дня.

Ибо в опознании «неопознанных социальных объектов» заинтересованы и общество, и сами эти «объекты», стремящиеся к самопроявлению, самоосознанию, к превращению в «субъекты»...

...Все это в будущем, которого может и не быть. Но все же без сегодняшних ростков гражданского общества, которые мы обозначили смутным термином «неформалы», завтра в нашей стране не будут возможны ни гражданское общество, ни гражданский мир, ни даже граждане, а будут лишь «власть» и «подданные».